

Тема судьбы в «Герое нашего времени»

(Оправдание Печорина)

1

Печорин – герой нашего времени – фаталист, к такому выводу пришел Лермонтов, выслушав рассказ Максима Максимыча о нем, мельком увидев его на дорожной станции и прочитав его журнал.

Лермонтов начал свою книгу с предисловия, в котором отметил: «Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии». Явного нравоучения в конце книги нет, но есть заключительная повесть «Фаталист», заменяющая его. Лермонтов мог бы озаглавить ее «Вулич» по аналогии с предыдущими повестями, названными по имени главного действующего лица: «Максим Максимыч», «Бэла», «Княжна Мери». Но он так не делает. Давая название «Фаталист», Лермонтов подводит итог и характеризует своего героя, объясняет и оправдывает его. Лермонтов надеется, что те, кто прочтут книгу, поймут и простят Печорина.

Печорин верит в судьбу, он много раз упоминает ее в своих записях. Можно привести некоторые примеры:

- «И зачем было **судьбе** кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов»;
- «Явно **судьба** заботится о том, чтоб мне не было скучно»;
- «**Судьба** ли нас свела опять на Кавказе»;
- «**Судьба** как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм»;
- «**Судьба** вторично доставила мне случай подслушать разговор»;
- «И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках **судьбы**»;
- «если бы **судьба** меня помиловала»;
- «отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне **судьбою**».

Печорин постоянно бросает вызов судьбе, пытается противостоять, борется с ней. Поэтому, он – герой. Предвидя недовольные упреки некоторых читателей: «Да это злая ирония!», - Лермонтов спокойно останавливает их: «Не знаю» и называет свою книгу «Герой нашего времени».

Фаталист верит в судьбу, за веру отвечает душа, историю души Печорина и проследил Лермонтов, о чем написал в предисловии к «Журналу Печорина»: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Метаморфозы души склонного к самоанализу Печорина происходили под влиянием определенных событий его жизни. Поэтому стоит их рассмотреть, выстроив в хронологическом порядке.

Но прежде важно уяснить: Печорин – скрытный человек. На это обратил внимание Лермонтов: «Я заметил, что он не размахивал руками, - верный признак некоторой скрытности характера». Поэтому Печорин не станет раскрывать душу «первому встречному». Нельзя полностью доверять тому, что он говорит о себе другим людям.

Например, Максиму Максимычу про свою молодость он рассказывает в духе «Евгения Онегина», жалуется, что его «душа испорчена светом». Но это лишь модный штамп! Лермонтов скептически отнесся к словам Печорина и на вопрос штабс-капитана: много ли таких людей в Петербурге? ответил: есть много людей, говорящих то же самое, есть среди них и те, которые говорят правду; разочарование вышло из моды и теперь те, которые на самом деле сильно скучают, стараются скрыть этот порок.

Про показательные излияния перед княжной Мери и говорить нечего! Печорин добивался ее любви, и лучший способ здесь, как он прекрасно знал, – это вызвать ее сострадание. Печорин актерствует перед ней. Разве его фраза о высохшей и отрезанной половине души не напоминает слова Гамлета, призывающие к добропорядочности Гертруду? В дневнике Печорин описывает свои разговоры с княжной Мери, как будто делает ремарки к пьесе: «Я задумался на минутку и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид», или «Я сказал ей, приняв самый покорный вид», или «Я пристально посмотрел на нее и принял серьезный вид». В разговоре с Грушницким – то же самое: «Я принял серьезный вид и отвечал ему». В общении с доктором Вернером присутствует обоюдное позерство. «Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать, и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером».

Итак, нельзя считать, что Печорин является именно таким, каким он себя выставляет. Недаром Лермонтов в предисловии вспомнил о дипломатах. Скрывать правду – для них дело привычное. Никто не знал, каким на самом деле был Печорин: одни почитали его лучше, другие – хуже. Искренним он был только в своих журнальных записях. Но и они не могут однозначно и точно характеризовать Печорина. И не потому, что Печорин хотел что-то скрыть, а потому, что он сам еще недостаточно разобрался в себе. А когда разобрался – замолчал: история с Бэлой уже не была записана.

Скрытность характера выдавали и его глаза, а они, как известно, – зеркало души. Глаза не смеялись, когда он смеялся. Это признак, - говорит Лермонтов, - или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Взгляд этих глаз был пронизательным и в тоже время абсолютно равнодушным. Их сверкающий фосфорический блеск не показывал душевного жара или разыгравшегося воображения, он был подобен блеску холодной стали, отражающей все вокруг.

Противоречивость натуры Печорина выражалась в его внешности: темные усы и брови при светлых волосах; крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и вместе с тем – нервическая слабость в движениях, нежная женская кожа,

маленькие аристократические руки с тонкими длинными пальцами; пыльный сюртучок и ослепительно белая рубашка. А как заметил сам Печорин: «всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою».

Лермонтов, тонкий и умный психолог, проследил развитие души Печорина и сделал вывод: человек, изначально наделенный всеми способностями, чтобы противостоять судьбе, в результате определенных жизненных событий полностью покорился ей, стал фаталистом. О некоторых из этих событий мы знаем от Лермонтова. А ему о Печорине рассказал Максим Максимыч.

Поздней осенью 1837 года Лермонтов возвращался в Петербург из ссылки за стихотворение «На смерть поэта». На Военно-грузинской дороге он встретил Максима Максимыча, который поведал ему историю о несчастной горской девушке Бэле, происшедшую около пяти лет назад. Герой его повествования – молодой офицер Печорин – прибыл к нему в крепость осенью 1832 года и прожил около года, до своего отбытия в Грузию. На вид офицеру было лет 25, на Кавказ он приехал недавно.

Вскоре Лермонтов сам увидел Печорина, который остановился на той же дорожной станции, что и они с Максимом Максимычем. Печорин ехал в Персию. Эта встреча позволила Лермонтову не только внимательно разглядеть человека, о котором ему только, что рассказывали, но и заполучить его тетради с записями. Свой журнал Печорин вел в Петербурге и на Кавказе. Кавказские записи содержались в двух тетрадях и описывали события одного года. Они начинались происшествием с контрабандистами в Тамани и завершались случаем с Вуличем в казачьей станице. Лермонтов смог опубликовать их, дополнив рассказом о Бэле, когда узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер.

Вот что Лермонтов узнал о Печорине.

После какой-то истории, наделавшей много шума в петербургском свете, молодой офицер Печорин был направлен на Кавказ. По дороге в действующий отряд, весной 1832 года, он остановился в Тамани, несколько дней ожидая переправы в Геленджик. Ночью, когда он искал хату для ночлега, было холодно. Днем стало немного теплее, но слушая шум волн и вспоминая о Петербурге, Печорин сидел, завернувшись в бурку. В Тамани произошла история с контрабандистами, Печорин впервые упоминает о судьбе.

«И зачем было **судьбе** кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!»

Печорин понимает, что нарушил мирное течение жизни людей: контрабандисты уехали, слепой плакал. Печорину стало грустно, но он отмахнулся от своей сентиментальности. «Что стало со старухой и бедным слепым – не знаю. Да и какое мне дело до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!», - записал он в своем журнале, находясь уже в действующем отряде.

Там же он познакомился с Грушницким, который вскоре из-за ранения был отправлен в Пятигорск. Неделей позже, 10 мая, туда прибыл и Печорин. В Пятигорске Печорин начинает вести дневник, почти ежедневно записывает происходящие с ним события. Здесь разворачивается история с княжной Мери, Верой и Грушницким. Ввязываясь в нее, Печорин иронично замечает: «Судьба позаботилась о том, чтобы мне не было скучно», но вскоре подводит печальный итог: «Неужели мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды? ... Я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв». История в Пятигорске закончилась страданием княжны Мери, семейными проблемами Веры и убийством Грушницкого.

За дуэль с Грушницким Печорин был оправлен в крепость к Максиму Максимычу, куда он прибыл той же осенью. Зимой или ранней весной следующего года, Печорин на две недели по делам уезжает в казачью станицу. Он живет у урядника, дочка которого каждый вечер дожидается Печорина у калитки, кутаясь в шубку. Было холодно.

В казачьей станице происходит странное происшествие с Вуличем, которое опять возбудило интерес Печорина к роли судьбы в его жизни. «Как бы не сделаться фаталистом», - задумывается он после предсказанного им убийства Вулича; но тут же останавливает себя сомнением: кто знает, в чем убежден фаталист, правильно ли он понял знаки судьбы или это только обман чувств и промах рассудка? С этой же точки зрения Печорин анализирует свой отказ от женитьбы на княжне Мери. Он возвращается к своему дневнику, прерванному дуэлью, и перед рассказом о Вуличе дописывает пятигорские события, заканчивая их очередным рассуждением о своей судьбе.

«И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслью прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне **судьбою**, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце».

Нет, его судьба была не в семейной идиллии, никому он не мог принести счастья. Последующая история с Бэлой ему это убедительно показала. Напрасно он надеялся, что сострадательная судьба послала ему в утешение ангела: «Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни». Свои отношения с Бэлой Печорин уже не записывает в журнал, ему стало неинтересно и незачем анализировать себя. Он понял и принял свою судьбу. Несуразный смех после смерти Бэлы – тому подтверждение. Теперь Печорину хотелось – просто дожить отмеренный ему срок. «Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!».

Печорину все время хотелось понять, куда и зачем вела его судьба, он пытался угадать ее повеление и приговор, при этом считая, что повеление можно нарушить, а приговор

может измениться. Но вся его жизнь показала, что с судьбой бороться бесполезно. Печорин перестал задаваться вопросом, зачем он живет, для какой цели родился. Он смирился со своей судьбой. Отсюда его равнодушный взмах рукой на вопрос Максима Максимыча, когда он вернется из Персии?, который можно было перевести так: «вряд ли! да и зачем?». Тетради со своими записями ему тоже стали не нужны, он не захотел их забирать у Максима Максимыча. А ведь всего пять лет назад он писал в них: «этот журнал я пишу для себя, все, что я в него брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием». За такой короткий срок драгоценность полностью обесценилась.

2

Великий русский критик Белинский оправдывал дурные поступки Печорина его богатой натурой. Бывают люди, - писал он, - которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведения, потому что она в них есть следствие безжизненности и слабости духа. Печорин – не такой! Он – человек решительный, алчущий тревог и бурь, готовый во всем рисковать. Не равнодушно, не апатически несет он свое страдание: бешено гоняется он за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняет он себя в своих заблуждениях. В нем неумолчно раздаются внутренние вопросы, тревожат, мучат его, и он в рефлексии ищет их разрешения: подсматривает каждое движение своего сердца, рассматривает каждую мысль свою. Он сделал из себя самый любопытный предмет своих наблюдений.

Белинский отвечал тем, кто нападал на Печорина.

«Вы говорите, что он эгоист? – Но разве его сердце не жаждет любви чистой и бескорыстной», даже если он любит для себя, удовлетворяя жажду сердца. Разве он не осуждает себя за это? Нет, это не эгоизм, - продолжает Белинский, - эгоизм не страдает, не обвиняет себя, но доволен собой. Душа Печорина не каменистая почва, но засохшая от зноя пламенной жизни земля».

«Но его – скажете вы – холодная расчетливость, с которой он обольщает бедную девушку, не любя ее», - Белинский повторяет обвинителей Печорина и отвечает им, что он и не считает Печорина образцом нравственности и не оправдывает его в таких поступках.

Но Печорина можно оправдать и здесь, прослеживая причинно-следственную связь его поступков и происходящих событий. Печорина нельзя выставлять бесчувственным негодяем. Его поступками руководят обстоятельства. И почти всегда у него даже нет выбора, нет других вариантов поведения. Об этом он записал в своем журнале, чувствуя осуждение доктора Вернера после дуэли с Грушницким:

«Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, – а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на

себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..».

К этой роковой дуэли привела следующая цепь событий. Судьба свела в Пятигорске ничтожного сослуживца Печорина по действующему отряду Грушницкого, его прежнюю любовь Веру, молоденькую хорошенькую княжну Мери. Печорин не любил Грушницкого за его манерность, Грушницкий отвечал ему тем же, но наружно они были в самых дружеских отношениях. Княжна Мери на глазах у Печорина выделила Грушницкого: сопровождала долгим любопытным взором его пышную французскую фразу, помогла поднять упавший стакан. Печорина это задело, о чем он записал в дневнике:

«Вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно».

Печорин захотел разозлить Грушницкого и стал добиваться внимания княжны. Сначала он остроумными разговорами и своим открытым домом стал отваживать от нее мужское окружение, сам же не показывал желания с ней познакомиться. Демонстрируя пренебрежение, он все время старался быть у нее на виду: то навел на нее лорнет, проходя мимо ее окон, то провел коня, покрытого перекупленным у нее ковром, то неожиданно выскочил из засады, когда на прогулке она любезничала с Грушницким. Тактика подействовала. Она его заметила, отличила. Еще и доктор Вернер помог: рассказал его петербургскую историю. Печорин сделался в ее глазах героем романа в новом вкусе. Она про таких читала у Байрона.

Сколько бы длилась эта «комедия» неизвестно. И возможно ничем бы не закончилась. Печорин добился того, что Грушницкий стал надоедать княжне. Но тут появилась Вера. «Мы только у Лиговских можем видаться», - сказала она и попросила понравиться княгине, чтобы войти в дом Лиговских и ухаживать за княжной для отвода глаз. Печорин не торопился исполнять эту просьбу, даже получил упрек от Веры за медлительность. Возможно, он раздумывал или ждал удобный случай. И случай подвернулся. Опять помогла судьба: Печорин защитил княжну Мери от пьяного на балу.

А дальше события стали двигаться по вполне понятной колее. Печорину не стоило труда влюбить в себя неопытную молодую девушку. Сначала он ей туманной запутанной фразой намекнул о том, что она ему давно нравится, потом рассказал некоторые забавные истории из своей жизни и, наконец, вызвал ее сострадание, на прогулке к провалу убедительно жалуясь, что его никто с самого детства не понимает. Свой монолог он рассказывал ей не первой, сострадание действует на женщин безошибочно, и в ее сердце оно тотчас запустило свои коготки. Кроме того, здесь он впервые взял ее за руку, и первое прикосновение, первая искра, пробежавшая из его руки к ней, довершили дело.

Мери уверилась, что Печорин любит ее, а она любит его. Она стала показывать Печорину знаки внимания. Вера ревновала, Грушницкий бесился. Чтобы успокоить Веру, Печорин пришел к ней ночью. Она жила в одном доме с Лиговским. Грушницкий выследил Печорина. Решив, что Печорин приходил на свидание к княжне, он стал распускать про нее грязные слухи. Печорин вызвал его на дуэль. Это вполне входило в планы Грушницкого. Он вместе с приятелями, как раньше подслушал Печорин, хотел устроить дуэль с незаряженными пистолетами, чтобы проверить храбрость Печорина и выставить его посмешищем. Но теперь обстоятельства изменились, Грушницкий разозлился не на шутку: теперь только пистолет Печорина не будет заряжен. Об этом Печорину сообщил доктор Вернер. Печорин до последнего испытывал судьбу и порядочность Грушницкого. Судьба Печорина пожалела, Грушницкий был убит.

От мужа Веры княгиня узнала, что Печорин стрелялся, чтобы защитить честь ее дочери. Княгиня видела, что Мери полюбила Печорина, Мери ей сказала, что Печорин тоже ее любит:

Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна... я уверена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться... вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, – я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?..

Что было Печорину ответить княгине? Что ее дочь сказала неправду, и он не изъяснялся ей в любви? Чтобы не обвинять княжну Мери во лжи, Печорин попросил княгиню разрешить им объясниться наедине.

Печорин считал, что он сам влюбил в себя княжну Мери, теперь нужно было сделать так, чтобы она его разлюбила. Не из своей жестокости Печорин говорил ей, что он над ней смеялся и, следовательно, она должна его теперь ненавидеть. Он хотел помочь ей избавиться от любви к нему. Ведь жениться на ней он не собирался. Хотя партия была очень выгодная, деньги, влияние...

Что можно было изменить в этой череде событий? Согласиться на брак? Но Печорин не любил Мери, хотя и рисковал жизнью за ее честь. По сравнению с Грушницким его поведение можно назвать благородным.

Княжну Мери действительно жалко. Но ведь Печорин не верил в силу ее чувств. Он считал, что она никогда не будет любить его так, как Вера, что ее чувства к нему вызваны его же стараниями. Это не любовь пушкинской Татьяны к Онегину – мгновенная и безоглядная. Мери ничем не отличалась от тех женщин, которых Печорин легко соблазнял в свете. Наивная и чистая Мери кокетничала с Печориным, но у нее было мало опыта... Наконец, Печорин ведь пытался ее остановить, и о женитьбе он ей ничего не говорил. Это Грушницкий имел надежду. Но княгиня никогда бы не отдала дочку за Грушницкого,

потому что не считала его достойной партией. Разве по отношению к Грушницкому Мери не вела себя так же, как Печорин – по отношению к ней?

Грушницкий обольщал Мери «по старинке»: страстно смотрел, говорил комплементы, восхищался и т.п. Мери это быстро надоело, и как в старых романах, несчастный влюбленный погиб. Печорин соблазнял ее в духе новых романов, которые Мери любила читать. Такой роман она и пережила в жизни! За ее судьбу вряд ли стоит беспокоиться. Она еще встретит мужчину, который владеет такими же навыками, что и Печорин, возможно, она влюбится, или, на худой конец, подчинится маменьке, которая найдет ей блестящую партию.

Мог ли Печорин остановить дуэль, сказав Грушницкому, что знает про незаряженный пистолет? Вряд ли. Ведь Грушницкий его ненавидел. Грушницкий сказал Печорину, что им двоим на земле нет места, и он все-равно убьет его ночью из-за угла. В этом Печорин не сомневался, в подлости Грушницкого, который выстрелил в безоружного, он убедился.

В чем вина Печорина? Судьба довела его до роковых обстоятельств. Да, он убил Грушницкого, заставил страдать княжну Мери, Вера тоже пережила из-за него семейный конфликт, но ведь он и сам мучился. Перед дуэлью он записал:

«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений – лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках **судьбы!** Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления ...».

Раз за разом Печорин убеждался в том, что его судьба – приносить несчастья другим. Но до истории с Бэлой он все еще надеялся обмануться. Когда он встретил Бэлу, то подумал, что судьба сжалилась и преподнесла ему подарок: он полюбил, и был любим. Но надежда была напрасной: любовь быстро прошла, а Бэла погибла от удара кинжала Казбича. Как тут не вспомнить недавний разговор с княжной Мери?

– Вы опасный человек! – сказала она мне, – я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок...

– Разве я похож на убийцу?..

– Вы хуже...

Печорин упорно добивался любви Бэлы, рисковал жизнью. Но когда она ответила ему взаимностью, ему очень быстро стало скучно. Максим Максимыч принялся было его за это укорять. Печорин ответил:

«... у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив...

В первой моей молодости ... я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, – но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтобы добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно».

Слава и удача не зависят от личных качеств – понял честолюбивый Печорин, и ему стало скучно. Когда его перевели на Кавказ, у него появилась надежда, что там ему не придется скучать, и он сможет проявить себя.

«Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, – и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду».

«Почти последнюю надежду» ... а последней надеждой была Бэла.

Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой... Мне осталось одно средство: путешествовать... авось где-нибудь умру на дороге».

Если раньше Печорин еще надеялся и писал: «стоит ли труда жить? А все живешь – из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!», то теперь даже любопытства не осталось. Если раньше он еще пытался объяснить себе свои поступки, то теперь ему это стало не нужно. Когда-то он старался дать себе ответ, зачем он так упорно добивается любви княжны Мери, которую не любит и на которой никогда не женится, и честно признавался: потому, что ему хочется насытить свою гордость. Он анализировал себя, пытаясь понять, почему он такой, и находил оправдание: «честолюбие у меня подавлено обстоятельствами».

И честолюбие его – стремление к славе, известности – стало проявляться в другом виде: в жажде власти. Суть власть состоит в том, чтобы подчинять своей воле других: вызывать страдания и радости, не имея на это никакого права, возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха. Власть дает пищу для собственной гордости, а насыщенная гордость приносит счастье. Если бы Печорин считал себя лучше и могущественнее всех на свет, он был бы счастлив. Если бы его все любили, он тоже нашел бы в себе бесконечные источники любви.

А зло порождает зло. Первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого. Идея зла, возникшая в голове, уже имеет форму, и эта форма – есть действие. Идеи – создания органические. Они рождаются для того, чтобы быть воплощенными в жизнь. Только что возникшие идеи – это страсти. Со временем страсти успокаиваются, утихают, наполняются новым содержанием. Они уже не выплескиваются наружу. Полнота и глубина чувств, мыслей не допускает бешеных порывов. Так многие реки начинаются шумными водопадами, но ни одна из них не скачет и не пенится до самого моря.

Печорин стал не способен безумствовать под влиянием страсти: слишком полна и глубока его душа. Поэтому он с жадностью поглощает все, что встречается на пути. «Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы», - записывает он в дневнике. Отношение к Мери – такого же рода. Печорин, как вампир, питается душами своих жертв.

«Душа, страдая и наслаждаясь, сдерживает свои порывы, во всем дает себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно! Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие», - заканчивает Печорин свои рассуждения. «Так должно» – это уже путь души к принятию судьбы такой, как она есть, к фатализму.

3

Для Печорина понятия судьба и предопределение означают не одно и то же. Под судьбой он понимает стечение обстоятельств, с которыми можно бороться. Судьба дает шанс, ты можешь выиграть или проиграть. «Рок мечет – я играю». Предопределение изменить невозможно. Судьбу можно анализировать, делая выводы, предопределение – только принимать. Судьбе можно идти наперекор, а предопределение – это написанная книга, в которой ни буквы не исправишь. Но зачем тогда человеку даны воля, рассудок, зачем тогда давать отчет своим поступкам? Эта тема Печорина очень интересует! Поэтому он идет на пари с Вуличем.

Вулич предлагает на себе испытать, может ли человек самовольно распоряжаться своей судьбой: жизнью и смертью. Вулич – игрок. Для него интересна сама игра. Печорин же хочет убедиться, что предопределения нет, и судьбе можно противостоять. Для него это важно! Вулич стреляется, пистолет дает осечку. С огромной вероятностью Вулич должен был умереть. Но предопределение спасло его от неминуемой смерти.

На Печорина происшествие произвело тогда сильное впечатление, он даже сказал, что поверил в предопределение. Доказательство было разительным. Но Печорин записывал события после того, как они произошли. Поэтому, в своем журнале он уже иронично отзывался о предопределении. Например, так: я вовремя остановил себя на этом опасном пути (веры в астрологию) и посмотрел под ноги, и очень кстати (на дороге лежала зарубленная свинья) или так: видно было записано на небесах, что в эту ночь я не

высплюсь. Печорин уже знал, что предсказание его сбылось: Вулич действительно умер. Его, как и свинью, зарубил пьяный казак. Пытаясь схватить казака, который заперся в хате и не хотел сдаваться, Печорин тоже решил испытать судьбу. Он сказал: «Я возьму его живым», и у него это получилось.

Печорин предсказал смерть Вулича, правда она произошла не так, как он ожидал, предсказал, что возьмет живым вооруженного казака. Как после этого не поверить в предопределение и не сделаться фаталистом? Но Печорин отмахивается от этой мысли: «Я люблю сомневаться во всем». Можно ли наверняка знать убеждения фаталиста? Если все знать наперед, жить становится неинтересно. Печорин пишет в своем журнале, что в молодости он был мечтателем и в воображении уже прожил свою жизнь. После этого реальность показалась ему скучной и пустой, как будто он читал дурное подражание давно известной книги. Возможно поэтому, он искал в жизни приключений, которые не могло придумать его богатое воображение, и смелее шел вперед, когда не знал, что его ожидает. Авантюрные черты его характера – возможно отсюда. Он испытывал судьбу и все больше убеждался, что загадок в ней для него не осталось. Жизнь его становилась пустее день ото дня, оттого что беспокойное воображение нарисовало уже все возможные картины, а ненасытное сердце уже испытало все возможные чувства.

Можно напомнить другие предсказания Печорина, которые, также исполнились. 11 мая он записал в своем дневнике про Грушницкого: «Я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать», а 17 июня состоялась между ними дуэль, на которой Печорин убил Грушницкого. На дорожной станции, встретившись с Максимом Максимычем, Печорин дал ему понять, что они больше не увидятся. Так и случилось: вскоре Печорин умер, возвращаясь из Персии. Как это произойдет, он тоже предвидел, «авось где-нибудь умру на дороге», - за пять лет до этого говорил он Максиму Максимычу.

Печорин отрекся от своего фатализма, но Лермонтов назвал его фаталистом (Лермонтов ведь сам давал названия записям Печорина), уж слишком часто Печорин думал о своей судьбе и почти всегда ее точно предвидел.

Фатализм определяется верой в судьбу, а она – из той же категории, что и вера в Бога, в высшие силы. Предписания судьбы знать невозможно. Где их прочесть? На роду, на небесах, по звездам? Это просто красивые метафоры! Печорин не верит в астрологию: люди, которым звезды предсказывали победы и поражения давно умерли, а они также продолжают сиять на небе. Печорин сожалеет, что не может почувствовать того наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми и судьбой. Но разве он не испытывал этого наслаждения? Разве он не бросал вызов судьбе: на дуэли с Грушницким, на пари с Вуличем, пытаясь взять живым пьяного вооруженного казака, отказываясь жениться на княжне Мери? Разве он не прочитал отпечаток смерти на лице Вулича? – а другие офицеры его не заметили! Конечно, можно объяснить это наблюдательностью Печорина, его аналитическим умом, житейским опытом... Но если судьба оставляет отпечаток, значит она – существует... для Печорина.

«Фатализм – судьба, рок в смысле предопределения, неизбежной, предназначенной проведением будущности. Фаталисты отрицают свободу воли человека и ответ за его дела», - такое определение дает Даль. Значит, фатализм оправдывает любые поступки, и все заранее решено судьбой! Этим Лермонтов и пользуется: если Печорин – фаталист, то он не отвечает за свои поступки. В этом ирония Лермонтова.

4

Печорин является типичным представителем своего поколения и отражает типические черты своих современников. Разве сам Лермонтов и его петербургские знакомые не были похожи на него? Разве сам Лермонтов не бросал вызов судьбе? Последнее его произведение, которое он читал в петербургском салоне перед отъездом на Кавказ, говорит именно об этом. «Штосс» – это развитие темы «Фаталиста».

Лугин играет в штосс со стариком-привидением, который ставит на карту что-то белое неясное прозрачное. По мере проигрыша Лугина это видение становится все явственнее, и наконец, приобретает облик прекрасной девушкой. Кто она – муза? судьба? Она с жадностью смотрит на игру и с нетерпением ждет, когда освободится от ига несносного старика. Но Лугину не везет. Всякий раз он проигрывает, а девушка неизменно подбадривает его страстными грустными глазами: смелей, не падай духом, я буду твоя. И Лугин с отчаянием и бешенством ожидает следующего вечера, чтобы продолжить игру. Наконец у него не остается денег, и он начинает продавать вещи. Он понимает, что скоро ему нечего будет поставить на карту. «Надо было на что-нибудь решиться. Он решился».

Это – последняя фраза Лермонтова: «Он решился». Как будто он сказал ее себе...

Судьба – сначала прозрачное неясное видение – по мере проигрыша героя становится все отчетливее и желаннее. Лермонтов решился на игру с судьбой, думая победить, (у него было много творческих планов, он хотел выйти в отставку и начать серьезно заниматься литературой), но в отличие от Печорина он проиграл. Пуля Мартынова оборвала его жизнь. Сам Лермонтов не сделался убийцей. «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Судьба определила Лермонтову жребий гения.

Про фатализм Лермонтова интересно написал философ Владимир Соловьев: «Полного убеждения в истине фатализма у Лермонтова не было и он кажется захотел убедиться в нем на опыте. Все подробности его поведения, приведшего к последней дуэли и во время самой этой дуэли, носят ясные черты фаталистического эксперимента. На дуэли Лермонтов вел себя с благородством, он не стрелял в своего противника, но по существу это был безумный вызов высшим силам, который во всяком случае не мог иметь хорошего исхода. В страшную грозу, при блеске молнии и раскатах грома, перешла эта бурная душа в иную область бытия».